

Научная статья
УДК 58(410)(09)«17/18»
DOI 10.37724/RSU.2023.79.2.007

Энтузиазм как эпистемическая добродетель в британской научной культуре второй половины XVIII — первой четверти XIX века (на примере натуралиста Дж. Бэнкса)¹

Юлия Сергеевна Шипицына

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
shipitsyna.phd@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена конфликтной природе эпистемических добродетелей в представлении британских ученых-естествоиспытателей во второй половине XVIII — первой четверти XIX века, периоде, на который приходится так называемая «эра Бэнкса» (1778–1820), получившая название по имени президента Лондонского королевского общества, натуралиста Джозефа Бэнкса. Какие ценности определяли формирование личности Бэнкса? Какая эпистемическая стратегия позволила ему стать на более чем четыре десятилетия ответственным за выбор вектора развития интеллектуальной и академической жизни Британской империи? Задаваясь этими вопросами и анализируя профессиональную траекторию и способы коммуникации Дж. Бэнкса с другими учеными, автор статьи приходит к выводу о решающей роли энтузиазма в жизни Бэнкса и его современников.

Статья содержит обстоятельный обзор биографических работ о Дж. Бэнксе, краткий экскурс в историю эпистемологии добродетелей и энтузиазма как эпистемического феномена, сравнительную характеристику взаимоотношений Бэнкса с двумя его ассистентами — Чарльзом Благденом и Гемфри Дэви, а также французскими натуралистами Жаком-Жюльеном Лабиллардьером и Деода Доломье. Автор рассуждает о специфике исследования внутренней мотивации ученых и предлагает собственный проект реконструкции социальной сети ученых и интеллектуалов, объединенных Бэнксом благодаря неординарной степени личного энтузиазма.

Ключевые слова: эпистемические добродетели, энтузиазм, Джозеф Бэнкс, Чарльз Благден, Гемфри Дэви, Жак-Жюльен Лабиллардьер, Деода Доломье.

Для цитирования: Шипицына Ю. С. Энтузиазм как эпистемическая добродетель в британской научной культуре второй половины XVIII — первой четверти XIX века (на примере натуралиста Дж. Бэнкса) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 69–80. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.007](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.007).

Original article

Enthusiasm as an epistemic virtue in British scientific culture in the second half of the 18th century and the first quarter of the 19th century (illustrated in the works of naturalist J. Banks)

Yulia Sergeyevna Shipitsyna

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
shipitsyna.phd@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the conflicting nature of epistemic virtues as viewed by British scientists in the second half of the 18th century and the first quarter of the 19th century, the period when “Banks’ era” failed (1778–1820, named after the president of the Royal Society of London, the naturalist Joseph Banks). What values determined the formation of Banks’ personality? What epistemic strategy allowed him to choose the vector of

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

development of intellectual and academic life of the British Empire for more than four decades? Asking these questions and analyzing the professional trajectory and ways of communication of J. Banks with other scientists, the author of the article comes to the conclusion about the decisive role of enthusiasm in the life of Banks and of his contemporaries.

The article contains a detailed review of biographical works about J. Banks, a brief excursion into the history of epistemology of virtues and enthusiasm as an epistemic phenomenon, and a comparative description of the relationship between Banks and his two assistants (Charles Blagden and Humphrey Davy, as well as French naturalists Jacques-Julien Labillardière and Déodat de Dolomieu). The author discusses the specifics of the study of the intrinsic motivation of these scientists and proposes a new project for reconstruction of the social network of the scientists and intellectuals united by Banks, thanks to his extraordinary personal enthusiasm.

Keywords: epistemic virtues, enthusiasm, Joseph Banks, Charles Blagden, Humphrey Davy, Jacques-Julien Labillardière, Déodat de Dolomieu.

For citation: Shipitsyna Yu. S. Enthusiasm as an epistemic virtue in British scientific culture in the second half of the 18th century and the first quarter of the 19th century (illustrated in the works of naturalist J. Banks). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):69–80. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.007.

Наука была его страстью.

Эдвард Смит. «Жизнь сэра Джозефа Бэнкса» (1911)

Добродетели как этические категории имеют свойство устаревать и обновляться, и дело не только в перестановке ценностных приоритетов — перемены происходят в смысловом наполнении понятий. Попытка отследить эти подмены значений, пересечения смыслов и размытия очертаний привычных ценностных категорий способна продвинуть нас в изучении слома ценностных ориентиров. В чем заключается особенность эпистемических (интеллектуальных, когнитивных) добродетелей и что они помогают узнать о кризисе ценностей?

Выявление эпистемических добродетелей (англ. epistemic virtues) — таких позитивно окрашенных качеств и идеальных категорий, которые служат проводниками на пути к «истинному» знанию и одновременно его гарантиями, позволяет как минимум обнаружить историческую динамику в трансформации ценностей и убеждений, окружающих процесс познания. Задачей максимум становится рефлексия в отношении тех эпистемических добродетелей, что сегодня направляют и обуславливают наш познавательный процесс.

Однако подступ к таким экспрессивно заряженным, как добродетели, и запутанным, как эпистемология, понятиям оказывается нелегким начинанием. О специфике работы с динамикой этоса познающего, его ведущими ценностями и практиками преобразования себя делился в своих интервью Мишель Фуко: «...всегда считалось, что субъект не сможет получить доступ к истине, не проделав сперва определенную работу над собой, работу, которая позволит ему познать истину — работу очищения, обращения души посредством ее созерцания. <...> В европейской культуре вплоть до XVI века проблема остается прежней: что я должен сделать с собой, чтобы обрести способность и право прикоснуться к истине? Иными словами, истина всегда имеет цену; невозможно постичь истину без аскезы» [Фуко, 2008, с. 157]. Перемены в отношении к познанию Фуко связывает с именем Декарта: «До Декарта нельзя было быть нечистым, аморальным и знать истину. Декарту достаточно прямого свидетельства. После Декарта мы имеем неаскетического субъекта познания» [Там же, с. 157–158].

Обстоятельный обзор истории и сущности «поворота к эпистемическим добродетелям» в традиции аналитической философии, а также сильные и слабые стороны такого подхода описаны у российских исследователей А. В. Каримова и И. Т. Касавина.

А. В. Каримов в качестве ключевой характеристики эпистемологии добродетелей называет *субъектоцентрированность*, суть которой сводится к переключению с абстрактных категорий на «ценностные свойства познающего: интеллектуальные добродетели, интеллектуальные пороки, когнитивное достижение, когнитивная заслуга, превосходные черты интеллектуального характера и т. п.» [Каримов, 2021, с. 9].

И. Т. Касавин также называет эпистемические добродетели *ценностными интуициями* и определяет их как «либо развитые и адекватные когнитивные способности, либо такие моральные черты личности, как честность, скромность, смелость, тщательность». При этом исследователь подчеркивает: «...в эпистемологии добродетелей нет единства по вопросу о том, что представляют

собой добродетели такого рода, каковы их сфера и границы, какого рода методы следует использовать для их анализа» [Касавин, 2019, с. 9–10]. По Касавину, перспективы изучения добродетелей не ограничиваются раскрытием свойств личности конкретного исторического героя, а приближают исследователя к пониманию коллективного субъекта — общества, частью которого этот герой является: «...когнитивные добродетели должны рассматриваться не как способности субъекта или черты характера личности, но, скорее, как *функции всей совокупности взаимодействий*, в которых происходит процесс познания. <...> Этому соответствует *образ расширенного, коллективного субъекта*, добродетели и грехи которого представляют собой в значительной мере паттерны общественного сознания и поведения. <...> Поскольку всякий человек представляет собой общественного индивида, то его ценностные интуиции суть проекции тех образцов, которые приняты в его группе и социуме в целом» (курсив наш. — Ю. Ш.) [Там же, с. 12–13].

В зарубежной историографии истории науки эпистемология добродетелей находит широкое методологическое применение. Работы Майкла Хайда [Heyd, 1995], Стивена Шейпина [Shapin, 2008], Яна Джеймса Кидда [Kidd, 2017], Лоррейн Дастон и Питера Галисона [Дастон, Галисон, 2018] освещают результаты обращения к инструментарию этого направления в контексте различных проблематик истории науки Нового времени. Вдохновляясь их примерами, мы обратимся к истории изучения биографии ученого, обладавшего неординарным научным этосом — натуралиста Джозефа Бэнкса (1743–1820), и, не имея возможности привести здесь собственный вариант биографического описания, далее сосредоточим внимание именно на способах выстраивания коммуникации и упрочения взаимосвязей Бэнкса в социальной сети «республики ботаников».

Во второй половине XVIII века в английском обществе сохраняется ценность науки как национального достояния, при этом обновляется комплекс морально-этических взглядов о научной деятельности и об ученом как ее субъекте. Смена идеалов и роль личности в их формировании отмечена историками в самих названиях двух традиций и хронологических рамок: Newtonian science [Molthof], Banksian science [Gascoigne, 2011].

Представляется, что высокий авторитет неординарной личности Дж. Бэнкса стал одной из причин противоречивости образа естествоиспытателя в Британии, чьими типичными характеристиками становятся «натуралистический» снобизм и стремление к утилитаризму. Бэнкс оказал огромное влияние на развитие науки в Британии в период своего президентства (1778–1820), получивший название «эра Бэнкса» [Batsaki, Cahalan, Tchikine, 2017] и «бэнксианская просвещенная империя» [Miller, 1981, p. 3].

«Великий» и «многогранный» Дж. Бэнкс предстает в трудах историков в большей степени как фигура, облеченная властью, нежели отмеченная исследовательским гением [Tyler-Whittle, 1972, p. 84; Easterby-Smith, 2017, p. 4]. Работы, посвященные его научному наследию, тщательно обрисовывают имперский контекст развития естественно-научного знания во второй половине XVIII века и национальные «интонации» интеллектуального дискурса Британии того времени. Подобный взгляд обусловлен, как нам представляется, преобладанием постколониального подхода среди исследователей, а также тем, что большинство источников долгое время не было опубликовано. Интерес к имперской интерпретации архивов Бэнкса — «поворот» к его обширным, но до поры позабытым деяниям во благо Британской империи — фиксируется со второй половины XX века [Cameron, 1952; Beer, 1960; Carter, 1964]. Начало изданий корреспонденции относится к 1960-м годам, а пик интереса к наследию приходится на начало 2000-х, когда, наконец, были опубликованы письма, научные иллюстрации и впервые (после 1896 года) дважды переиздан путевой дневник [Journal of the Right ... , 1896; Banks, 1997, 1998]. В 1990-е годы австралийский историк науки и техники Джон Гаскон предложил имперскую интерпретацию деятельности Бэнкса [Gascoigne, 1998]. Дж. Гудмэн, напротив, считал, что значение имперской повестки чрезмерно преувеличено, и главный талант Бэнкса видел в «научном управлении» обширной «социальной сетью» ученых [Goodman, 2020].

Британский историк науки Нил Чамберс из Университета Ноттингема в 2000-х годах проделал огромную работу по публикации эпистолярного наследия Бэнкса: он руководил проектом по оцифровке обширных архивов (The Sir Joseph Banks Archive Project) и подготовил к публикации пять тематических выпусков корреспонденции Бэнкса, каждый из которых был сопровожден именованным указателем и пояснительной статьей [Chambers, 2000, 2007, 2007–2014, 2016].

Исследовательница из Кембриджа Патриция Фара в своих работах, посвященных Бэнксу, проводит идею «Пола, Науки, Государства» как ключевых столпов успеха натуралиста (“Three Ss: Sex, Science and the State”) [Fara, 2003, p. 2]. Профессор истории науки Университетского колледжа Лондона Саймон Веррет в 2016–2017 годах возглавил проект под названием «Джозеф Бэнкс: наука,

культура и перекройка мира в Индо-Тихоокеанском регионе» [Joseph Banks, Science ...]. В 2019 году Веррет выступил выпускающим редактором специального сборника статей «Переосмысляя Джозефа Бэнкса» [Rethinking of Joseph Banks ... , 2019], объединившего под одной обложкой статьи Карла Томпсона (pp. 431–455), Тима Фуллфорда (pp. 457–475), Ханны Уиллс (pp. 477–497) и Эдвина Д. Роза (pp. 499–526), в которых по-новому раскрыт контекст научной культуры эпохи «бэнксианской науки».

Мы привели столь подробный обзор биографий, чтобы показать, каким ученым предстает Джозеф Бэнкс в глазах других ученых (не только историков, но также ботаников, этнографов и даже гистологов). В чем же заключается противоречивость его научного этоса по отношению к существующим трактовкам исторического контекста?

Во-первых, при первом же знакомстве с нарративами о Бэнксе становится ясно, что он не вписывается в типологии ученого «мудреца», «работника» или «эксперта», описанные как типичные Л. Дагстон и П. Галисоном [Дагстон, Галисон, 2017, с. 527]. Он не был одним из тех, кто проводит свои дни в лаборатории или просто за письменным столом, ставя реальные и мысленные эксперименты на пути к познанию истины. Те конкретные заслуги в открытии новых видов, образцы которых он привез из кругосветной экспедиции, Бэнкс не стремился придать огласке и фактически избегал публикаций, полагая опасным и в некотором роде недостойным джентльмена печататься, имея такое огромное влияние на рецензентов [Beaglehole, 1962]. Б. С. Уордхо также отмечает, что Бэнкс в целом равнодушно относился к публикации как способу презентации результатов научной деятельности [Wardhaugh, 2017, p. 46].

Социологи Сигри и Уидмер, изучив сеть научных контактов в Европе XVIII века, указывают, что наличие или отсутствие публикаций может служить весьма надежным критерием для приобретения статуса ученого в данную эпоху. При этом в сравнении с применением критерия «членства в академических сообществах» критерий «наличия публикаций» увеличивает выборку более чем вдвое [Sigrist, Widmer, 2011]. Это говорит о том, что публикационная активность была не единственным показателем принадлежности к научному сообществу, но одним из наиболее популярных способов заявить о своих притязаниях на звание ученого. В контексте критерия «членства» научный авторитет Бэнкса был, разумеется, непререкаем: более чем семь десятков научных обществ подтверждали академический статус Бэнкса, и более всего — его президентский пост в Английской академии.

Во-вторых, привезенные из экспедиций и приобретенные в процессе общения с иностранными учеными артефакты Бэнкс щедро раздаривал Британскому музею и Королевским ботаническим садам Кью, создавая по сути источниковую базу для других своих современников и будущих поколений исследователей. Такой базой и площадкой для обмена идеями и опытом стал и собственный дом Бэнкса. Его библиотека и фонды коллекций были открыты для публичного доступа в его доме на Сохо-сквер в Лондоне.

Бэнкс не раз говорил о том, что честолюбие и тщеславие — не главные черты его характера [Fara, 1998, pp. 7–10]. Действительно, вряд ли современники могли упрекнуть его в погоне за славой и участия в «споре о приоритете» [Жэнгра, 2017, с. 54–55]. Как мы видели из историографического очерка, даже самые внушительные его коллекции и уже зафиксированные в письменном и изобразительном виде экспедиционные наблюдения оставались неизданными в течение его жизни и еще довольно долго после смерти.

В-третьих, заметными и по-прежнему малоизученными остаются неизменная отзывчивость и безусловное в своем охвате покровительство Бэнкса по отношению к другим ученым. Именно этот аспект биографии ботаника пока упущен ввиду беспрецедентного объема его научных контактов. Достаточно взглянуть на восьмитомное издание «Научная корреспонденция Дж. Бэнкса», предпринятое Н. Чамберсом в 2007 году, чтобы убедиться в сложности реализации этой задачи [Chambers, 2007–2014].

Обращение к опубликованным источникам Бэнкса подтверждает одно: в овладении навыками сбора, систематизации и описания эмпирического материала он был не слабее ни одного профессионального ботаника своего времени. Фокус его интереса показывает осознанное движение в духе общего стремления к постижению законов природы и объяснению мира, его исследовательскую траекторию нельзя назвать ни случайной, ни хаотичной. Однако осмысление тех источников знаний, что открывались Бэнксу, заметно отличается от того, какое мы привыкли считать привычным для сегодняшнего ученого, и не вписывается в существующие концептуальные схемы по истории и социологии науки, предложенные в свое время Робертом Мертоном [Merton, 1973], Л. Дагстон и П. Галисоном [Дагстон, Галисон, 2018], Стивом Фуллером [Фуллер, 2021].

Бэнкс — пример ученого с оригинальной стратегией завоевания авторитета в научной среде. Высокая степень воодушевления, присущая Дж. Бэнксу, — явный личный энтузиазм. Вкладывая огромные личные финансовые средства, разрывая помолвку и рискуя собственной жизнью, когда отправляется в кругосветное плавание, пренебрегая докторской степенью, когда бросает учебу в Оксфорде, рискуя попасть в опалу и быть обвиненным в предательстве, когда помогает французским натуралистам во время англо-французских войн, Бэнкс выглядит авантюристом, но получает признание и уважение современников.

Сегодня энтузиазм (от греч. *entusiasmos* — «наполненность Богом», «экстаз») — это позитивно окрашенное понятие, с которым мы связываем, с одной стороны, целеустремленность, а с другой — сильное внутреннее влечение к чему-либо, как правило, бескорыстное, а также энергичную и инициативную деятельность [Энтузиазм, 1997]. Однако так было не всегда.

М. Хайд в своей монографии «Быть трезвым и здравомыслящим. Критика энтузиазма в XVII и раннем XVIII вв.» показывает, как менялось отношение к феномену энтузиазма в раннее Новое время [Heyd, 1995]. Энтузиазм вызывал тревогу и воспринимался как нечто, посягающее на действующие социальные нормы. Энтузиастами называли еретиков, душевнобольных и тех ученых, которые осмеливались прокладывать оригинальный путь к истине. «Оправдание», без которого невозможно было бы последовавшее позже «одобрение» энтузиазма, Хейд связывает прежде всего с натурализацией — объяснением с точки зрения медицинских знаний как состояния, присущего некоторым людям от природы. Такую операцию по натурализации энтузиазма проделал Энтони Эшли Купер, третий граф Шефтсбери (1671–1713), в своем «Письме об энтузиазме», опубликованном анонимно в 1708 году. Сравнивая энтузиазм с меланхолией, Шефтсбери призывает не подавлять инициативы энтузиастов, а лишь «смягчать» их, не наказывать, умиротворять [Ibid., p. 218].

Итак, в XVIII веке из эпистемического порока энтузиазм постепенно превращается в эпистемическую добродетель.

Наш тезис заключается в том, что деятельность Дж. Бэнкса — беспрецедентная практика налаживания научных контактов и продвижения идей в среде единомышленников, многочисленные инициативы (часто авантюрные), демонстрирующие его самоотверженную преданность идее познания, — внесла значительный вклад в упрочение позитивных коннотаций энтузиазма в Британии.

Дж. Бэнкс — пример ученого-энтузиаста. Он во многом оставался «невидимым», обеспечивая связность и прочность коммуникации, подбрасывая идеи и подталкивая к свершениям, вызволяя из плена и продвигая по службе. Как ученый-практик, натуралист и первооткрыватель, он добровольно оставался в тени, как соратник и наставник — оказывал прямое влияние на судьбы своих современников. Поэтому ключ к пониманию личности Бэнкса и ведущим для него эпистемическим добродетелям кроется в истории его взаимодействия с другими учеными. Ранее мы обращались к эпизодам сотрудничества Бэнкса с охотником за растениями Фрэнсисом Мэссоном [Шипицына, 2021, с. 38–57], научным иллюстратором Сидни Паркинсоном [Шипицына, 2021, с. 127, 134–135] и агрономом Томасом Эндрю Найтом [Шипицына, 2022]. Теперь посмотрим на взаимоотношения Бэнкса с двумя его ассистентами — Чарльзом Благденом (1748–1820) и Гемфри Дэви (1778–1829).

Х. Уиллс внимательно изучила, как Ч. Благден строил свою карьеру, опираясь на покровительство Бэнкса. В течение тринадцати лет, с 1784 по 1797 годы, он занимал пост секретаря Лондонского королевского общества, благодаря чему также выполнял функции личного ассистента Бэнкса. Благден происходил из скромной провинциальной семьи текстильщиков Глостеншира и равным образом нуждался как в финансах, так и в статусе джентльмена. Одержимый идеей продвижения по социальной лестнице, он переехал из Бристоля в Лондон, хотя его заработок врача в столице был вдвое меньше. По совету друзей Благден вскоре отправился на службу в армию в качестве военного хирурга на борту корабля-госпиталя «Пайгот», отплывавшего в Северную Америку для поддержки английских войск, участвовавших в войне за независимость.

Знакомство Благодена и Бэнкса состоялось по возвращении второго из кругосветного путешествия, и уже в 1772 году Бэнкс голосовал за принятие Благодена в члены Лондонского королевского общества. Карьера Бэнкса пошла в гору тогда, когда Благден раздумывал, оставлять ли ему врачебную практику или сделать ставку на укрепление отношений с предприимчивым натуралистом. Бэнкс в свою очередь отлично знал, чем Благден может быть ему полезен. В 1773 году он просил доктора составить путеводитель по Мидлендсу и Уэльсу для его коллег из Швеции, а с 1775 по 1779 годы Благден по просьбе Бэнкса посылал ему образцы растений из Северной Америки. Контакты между Бэнксом и Благденом по этим и другим вопросам уверили последнего в том, что он может рассчитывать на помощь Бэнкса в продвижении по карьерной и социальной лестнице. Бэнкс сделал Благодена секретарем Лондонского королевского общества в 1784 году, однако долгожданная

должность разочаровала доктора. За тринадцать лет работы на академию и лично на Бэнкса Благдену так и не удалось приблизиться к заветному для него социальному положению. Жалованье, которое получал Благден, не имело статуса академической стипендии или даже гонорара и символически отделяло Благдена от академиков. Ничего, кроме регулярного дохода и статуса «наемного персонала», должность секретаря ему не принесла [Rethinking of Joseph Banks ... , 2019, p. 491]. Благден предпринимал попытки изменить такое положение вещей, выступая с различными инициативами, Бэнкс же не понимал недовольства своего протеже и все больше отдалялся от него. В результате в 1797 году Благден добился увольнения и сменил круг общения [Ibid., p. 496].

Взаимное разочарование, воцарившееся между Благденем и Бэнксом за почти два десятка лет сотрудничества, показательны для понимания неоднозначного статуса секретаря и ассистента в структуре британского научного института. Благден считал, что Бэнкс злоупотребляет своим более высоким статусом и руководящей должностью, пользуясь его услугами. Бэнкс полагал, что Благден имеет завышенные ожидания: помощь и благодеяние со стороны Бэнкса возможны, но вовсе не обязательны. Кроме того, прагматизм и расчетливость Благдена шли вразрез с беззаветной преданностью науке, которую так ценил Бэнкс в своих помощниках, учениках и сотрудниках.

Совсем иначе развивались отношения Бэнкса с другим секретарем Лондонского королевского общества — химиком Гемфри Дэви. Дэви работал в должности секретаря с 1807 по 1812 годы и покинул этот пост отнюдь не по причине неудовлетворенности амбиций. Превзойдя всех своих предшественников — протеже Бэнкса, добившись признания в среде не только британских, но и французских коллег, он был пожалован в рыцари, заключил выгодный с точки зрения финансов брак и покинул Лондонское королевское общество, отказавшись не только от службы, но и от профессорского звания [Rethinking of Joseph Banks ... , 2019, pp. 457–475].

Отец Гемфри Дэви был резчиком по дереву в маленьком городке Пензосе. Он рано умер, и Дэви не мог рассчитывать на университетское образование. Поступив учеником к аптекарю, спустя некоторое время он получил приглашение от химика Томаса Беддоуса переехать в Бристоль и работать в Пневматическом институте — медицинском лечебно-исследовательском центре, существовавшем с 1799 по 1802 год. Беддоус был впечатлен познаниями юного химика и ценил его талант и трудолюбие. Однако Дэви покинул своего покровителя ради работы в Королевском институте в Лондоне, куда был рекомендован Бэнксом в 1801 году. В 1802 году Бэнкс способствовал получению Дэви звания профессора химии с возможностью читать лекции в Совете по агрокультуре (обществе, заинтересованном в совершенствовании агрономической науки, основанном Уильямом Питтом-младшим в 1793 году и ликвидированном в 1822 году). Дэви действительно отличался большой работоспособностью и подчеркнутой лояльностью по отношению к Бэнксу. Он увлекся проектом Бэнкса по выделке кожи с использованием специальных ферментов, привезенных из Бомбея и Бенгалии. Молодой химик подготовил исследование о химическом составе данных ферментов, опубликованное в «Философских изысканиях Лондонского королевского общества», а вскоре был избран членом Лондонского королевского общества.

Если Благден начал сотрудничество с Бэнксом, когда тот едва стал президентом академии, и был свидетелем не только побед, но и затруднений на академическом и управленческом поприще, то Дэви познакомился с ботаником, когда его авторитет уже был непререкаем. Молодой химик всячески стремился подчеркнуть свою близость к Бэнксу, буквально «рекламируя», как выражается Фуллфорд [Rethinking of Joseph Banks ... , 2019, p. 460], своего покровителя и его благосклонное отношение к своей персоне в академии, Королевском институте и везде, где бы он ни оказался с лекцией. Кроме того, Дэви всячески поддерживал и разделял увлеченность Бэнкса в этот период различными прикладными проектами по использованию ботаники, агрономии и химии в экономике империи. Вероятно, в Дэви Бэнкс ценил изобретательность, творческий подход и реальный потенциал к занятиям экспериментальной наукой. Пусть энтузиазм Дэви имел мало общего с альтруизмом и был сопряжен с карьерными амбициями, однако его отличал явный кураж и жажда открытий, чего был лишен незадачливый Благден.

Таким образом, на примере Благдена и Дэви мы видим, что Бэнкс определял профессиональную, а в ряде ситуаций и личную судьбу многих своих приближенных. При этом его протекция и покровительство осуществлялись исключительно в научных целях: все натуралисты и художники, в судьбе которых принял участие Бэнкс, внесли большой вклад в развитие естествознания и этнографии. Заслуга Благдена в данном случае состоит в своевременном информировании своего патрона и исполнении различных поручений, связанных с установлением и поддержанием контактов.

Другим ярким примером научного энтузиазма является вовлеченность Бэнкса в судьбу французских натуралистов в период французских революционных войн 1790-х годов и Египетской

экспедиции Наполеона Бонапарта (1798–1801). Как известно, Британия выступала против Франции, принимая участие в военных действиях и оказывая помощь союзникам. Однако научные контакты внутри «республики ученых» в Европе не прерывались. Дж. Бэнкс не только продолжил обмен корреспонденцией и образцами натуралистических коллекций, но способствовал возвращению обширнейшей коллекции французского ботаника Жака-Жюльена де ла Лабиллардьера (1755–1834), а также вызволению из мальтийского пленения геолога Деода Граттэ де Доломье (1750–1801).

Лабиллардьер был членом экспедиции д'Антраксто в Австралию (1792–1794) по поискам погибшего графа Лаперуза. Когда команда узнала о революции во Франции, она находилась на острове Ява. Голландские власти задержали верных павшей монархии участников экспедиции. Спустя некоторое время Лабиллардьеру и другим удалось уплыть обратно во Францию — в марте 1796 года он уже был в Париже. Тем временем собранная им коллекция осталась в руках адмирала де Росселя, Голландия была аннексирована Францией, а в ходе сражения у Шетландских островов Британский флот захватил корабли де Росселя, который настоятельно требовал вернуть коллекцию Франции. Британские войска передали коллекцию графу Прованскому², который в то время находился в Курляндии и в свою очередь распорядился передать коллекцию в дар английской королеве Шарлотте. Через посредничество доверенных лиц графа Прованского и королевы Шарлотты — герцога д'Аркура, графа де Бернона и майора Уильяма Прайса — коллекция была частично передана в дар королеве, частично — поручена Бэнксу. В апреле 1796 года, почти одновременно с тем, как коллекция попала к новым владельцам, до Бэнкса дошло письмо Лабиллардьера, отправленное еще в 1794 году с Явы, с просьбой способствовать возвращению коллекции, его новое письмо с краткой описью утраченного, а также официальное требование французского правительства передать коллекцию ее законному владельцу [Beer, 1960, pp. 45–68].

Бэнкс проявил по-настоящему дипломатический такт и убедил королеву вернуть подарок. В одном из писем Лабиллардьеру он рассуждал: «Науки двух наций могут находиться в состоянии мира в то время, как их политики пребывают в состоянии войны — это аксиома, хорошо усвоенная нами с тех пор, как Вы оказали поддержку капитану Куку. И разумеется, ничто не сможет более эффективно способствовать уменьшению вражды между нашими политиками, так часто затевающими конфликты друг против друга, как возможность продемонстрировать гармонию и добрые намерения, царящие меж их собратьев, радеющих о науке» [Beer, 1960, p. 55]. В этом отрывке Бэнкс прямо противопоставляет себя и свое предназначение как ученого тем, кто наделен властью и руководствуется лишь политическими интересами.

Доломье принял участие в Египетской экспедиции Бонапарта. Корабль, на котором он возвращался из Египта во Францию, был захвачен неаполитанцами, а Доломье в числе прочих пленен и брошен в тюрьму в Таранто 20 марта 1799 года. Через третьих лиц, своих друзей и семью Доломье обратился к Бэнксу с просьбой о помощи. Академик отреагировал мгновенно: советуя, к каким заступникам Доломье следует обратиться, он и сам отправил одно за другим письма Уильяму Гамильтону, английскому послу в Неаполе, а также его супруге леди Гамильтон, фаворитке королевы Неаполя. Вопреки всем стараниям, Доломье пробыл в плену вплоть до 1801 года, когда был заключен Лювенийский мир, а Доломье обменян на английского офицера у Франции. Тем не менее именно благодаря попечительству Бэнкса были значительно улучшены условия тюремного содержания геолога, так что он даже смог создать рукопись «Размышлений о геологии», изданных уже посмертно. Любопытно, что Бэнкс посчитал необходимым написать Доломье сразу после освобождения и рассказать о том, какие им были приложены усилия и задействованы связи для облегчения участи геолога.

В благодарность за равнодушие Бэнкса французы избрали его иностранным членом-корреспондентом Национального института наук и искусств³. В письме-обращении Бэнкса к собранию института выражается признательность и надежда на сотрудничество, однако в Англии оно послужило причиной организации оппозиции против Бэнкса внутри Лондонского королевского общества, укорявшей ботаника в недостатке патриотизма [Beer, 1960, pp. 81–104].

² Людовик XVIII, Луи Станислас Ксавье (1755–1824) — брат короля Людовика XVI, король Франции в 1814–1815, 1815–1824 годах, с рождения носивший титул графа Прованского. С 1791 года находился в эмиграции, жил в разных странах Европы. В 1808 году поселился в Англии. После отречения Наполеона I занял французский престол.

³ Национальный институт наук и искусств, Национальный институт — в 1795–1806 годах такое название носил Институт Франции — основное официальное научное учреждение Франции, объединяющее Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию искусств, Академию моральных и политических наук.

Напрашивается вывод, что «управление наукой», осуществляемое Бэнксом в должности президента Лондонского королевского общества и в статусе заступника «республики ученых», представляло собой особый вид интеллектуальной стратегии — назовем ее условно «верностью энтузиазму», а развернутая им сеть взаимопомощи и патронажа была средством преодоления «натуралистического снобизма» и определенной «изолированности», в которой находились естествоиспытатели на Британских островах в данный период. Энтузиазм являлся источником внутренней мотивации для самого Бэнкса, и это же качество он более всего ценил в своих протеже.

Сложность в изучении энтузиазма в контексте истории «бэнксианской науки» заключается в многоуровневости его признаков. Рассмотрение проявлений энтузиазма в этот период не может ограничиваться исследованием традиционных для истории нарративов — научных публикаций, необходимо также создавать психологические портреты исторических персонажей, проводить сравнительный анализ их поведенческих и коммуникационных стратегий.

Данный очерк представляет собой лишь первый подступ к концептуальному осмыслению всех известных на сегодня фактов о Дж. Бэнксе в контексте энтузиазма. Дальнейшее исследование корреспонденции Бэнкса позволит полнее реконструировать сеть его влияния, а внимание к энтузиазму и другим эпистемическим добродетелям, определяющим внутреннюю мотивацию ученого и его адресатов, — расширить представления о характере взаимоотношений и индивидуальных исследовательских траекторий многих и многих его современников.

Список источников

1. Дастон Л., Галисон П. Объективность. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — 584 с.
2. Жэнгра И. Социология науки. — М. : Высш. школа экон., 2017. — 112 с.
3. Каримов А. Р. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 4. — С. 6–21
4. Касавин И. Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. — 2019. — Т. 56, № 3. — С. 6–19.
5. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. — 2008. — Вып. 65, № 2. — С. 135–158.
6. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. — М. : Высш. школа экон., 2021. — 368 с.
7. Энтузиазм // Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]]. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 574 с. — URL : <https://terme.ru/termin/entuziazm.html> (дата обращения: 17.02.2023).
8. Шипицына Ю. С. Рождение ботаники в Британии: имперский и национальный дискурсы (последняя треть XVIII — начало XIX в.). — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021. — 160 с.
9. Шипицына Ю. С. Научная семья как средоточие добродетели: жизнеописание британского натуралиста Т. Э. Найта (1841) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — 2022. — С. 278–286.
10. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. — Sydney : University of Sydney Library, 1997. — URL : <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771 : in 2 vols. / ed. B. P. Sandford. — Sydney : University of Sydney Library, 1998. — Vol. 1. — 438 p. ; Vol. 2. — 603 p.
12. Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century // The Botany of Empire. — Washington : Harvard University Press, 2017. — Pp. 1–11.
13. Beaglehole J. C. Introduction // The “Endeavour” journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771 / ed. J. C. Beaglehole. — Sydney ; London : Public Library of New South Wales and Angus & Robertson, 1962. — Pp. 1–146.
14. Beer de G. The Sciences Were Never at War. — London : Thomas Nelson and Sons, 1960. — 278 p.
15. Cameron H. C. Sir Joseph Banks K. B., P. R. S.: the autocrat of philosophers. — Sidney : Batchworth Press, 1952. — 341 p.
16. Carter H. B. His Majesty’s Spanish flock: Sir Joseph Banks and the merinos of George III of England. — Sidney : Angus & Robertson, 1964. — 520 p.
17. Chambers N. Letters of Sir Joseph Banks: a selection, 1768–1820. — London : World Scientific Publ. Co, 2000. — 468 p.
18. Chambers N. Joseph Banks and collections in the Age of Empire // Enlightening the British: knowledge, discovery and the museum in the eighteenth century / ed. by R. G. W. Anderson [et al.] — London : British Museum Press, 2006. — Pp. 99–113.
19. Chambers N. The scientific correspondence of Sir Joseph Banks (1765–1820) : in 8 vols. — London : Routledge, 2007–2014a.
20. Chambers N. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830. — London : Routledge, Pickering & Chatto, 2007b. — 195 p.
21. Chambers N. Endeavouring Banks: exploring collections from the Endeavour voyage 1768–1771. — Washington : Univ. Washington Press, 2016. — 303 p.

22. Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London // *Curtis's Botanical Magazine*. — 2017. — No. 34 (4). — Pp. 279–297.
23. Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library // *National Library of Australian News*. — 1998. — Vol. 9, no. 3. — Pp. 7–10.
24. Gascoigne J. Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution. — London : Cambridge Univ. Press, 1998. — 256 p.
25. Gascoigne J. Science and the British Empire from its Beginnings to 1850 // *Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970* / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — Pp. 47–67.
26. Goodman J. *Painting the world: Joseph Banks and his collectors*. — London : William Collins, 2020. — 560 p.
27. *Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart, KB, PRS during Captain Cook's first voyage Endeavour in 1768–1771 to Tierra del Fuego* / ed. by Hooker J. D. Otahite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies, etc. — New York : Macmillan, 1896. — 466 p.
28. *Joseph Banks, Science, Culture and the Remaking of the Indo-Pacific World*. — URL : <https://www.rmg.co.uk/collections/research/joseph-banks-science-culture-remaking-indo-pacific-world> (дата обращения: 25.04.2021).
29. Heyd M. *Be Sober and Reasonable. The Critic of Enthusiasm in the Seventieth and Early Eighteenth Centuries*. — Leiden ; New York ; Koln, 1995. — 312 p.
30. Kidd I. J. Confidence, Humility, and Hubris in Victorian Scientific Naturalism // *Epistemic Virtues in the Sciences and Humanities* / ed. by Jeroen van Dongen, Hernan Paul. — Boston : Springer, 2017. — Pp. 11–25.
31. Merton R. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* / ed. by N. W. Storer. — Chicago : University of Chicago Press, 1973. — Pp. 267–278.
32. Miller D. Ph. *The Royal Society of London 1800–1835: a study of cultural politics of scientific organization* : phd thesis. — Philadelphia : University of Pennsylvania, 1981.
33. Molthof M. *The Industrial Revolution and a Newtonian Culture*. — URL : <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (дата обращения: 17.02.2022).
34. *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society*. — 2019. — No. 73. — Pp. 431–455, 457–475, 477–497, 499–526.
35. Sigrist R., Widmer E. D. Thaininng links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // *REDES — Revista hispana para el analisis de redes sociales*. — 2011. — Vol. 21, no. 7. — Pp. 319 – 359.
36. Shapin S. *The scientific life: a moral history of a late modern vocation*. — Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2008. — 468 p.
37. Tyler-Whittle M.S. *The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants*. — London : Chilton Book Company, 1970. — 328 p.
38. Wardhaugh B. S. Charles Hutton and the “Dissensions” of 1783–84: scientific networking and its failures // *Notes and Records of the Royal Society*. — 2017. — No. 71. — Pp. 41–51.

References

1. Duston L., Galison P. *Obyektivnost* [Objectivity]. Moscow, New lit. review Publ., 2018, 584 p. (In Russian).
2. Zhengra I. *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017, 112 p. (In Russian).
3. Karimov A. R. Towards knowledge through virtues: on the foundations of the aretaic approach in epistemology. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2021, vol. 58, iss. 4, pp. 6–21. (In Russian).
4. Kasavin I. T. Epistemology of virtues: on the fortieth anniversary of the turn in analytical philosophy. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2019, vol. 56, iss. 3, pp. 6–19. (In Russian).
5. Foucault M. On the genealogy of ethics: a review of current work. *Logos* [Logos]. 2008, iss. 65, no. 2, pp. 135–158. (In Russian).
6. Fuller S. *Postpravda: znaniye kak borba za vlast* [Post-truth: knowledge as struggle for power]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2021, 368 p. (In Russian).
7. Enthusiasm. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed.-comp. E. F. Gubsky [et al.]. Moscow, INFRA-M Publ., 1997, 574 p. Available at: <https://terme.ru/termin/entuziazm.html> (accessed: 17.02.2023). (In Russian).
8. Shipitsyna Yu. S. *Rozhdeniye botaniki v Britanii: imperskiy i natsionalnyy diskursy (poslednyaya tret XVIII – nachalo XIX v.)* [The Birth of Botany in Britain: Imperial and National Discourses (the last third of the 18th and early 19th centuries)]. Yekaterinburg, Ural University Press, 2021, 160 p. (In Russian).

9. Shipitsyna Yu. S. A family of scientists family as the center of virtue: a biography of the British naturalist T. E. Knight (1841). *Problemy deyatelnosti uchenogo i nauchnykh kolektivov* [Problems of the activities of scientists and scientific teams]. 2022, pp. 278–286. (In Russian).
10. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Sydney, University of Sydney Library, 1997. Available at: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (accessed: 21.05.2021).
11. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771, in 2 vols. Ed. B. P. Sandford. Sydney, University of Sydney Library, 1998, vol. 1, 438 p.; vol. 2, 603 p.
12. Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. The Botany of Empire, Washington, Harvard University Press, 2017, pp. 1–11.
13. Beaglehole J. C. Introduction. The “Endeavour” Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Ed. J. C. Beaglehole. Sydney; London, Public Library of New South Wales and Angus & Robertson, 1962, pp. 1–146.
14. Beer de G. The Sciences Were Never at War. London, Thomas Nelson and Sons, 1960, 278 p.
15. Cameron H. C. Sir Joseph Banks K. B., P. R. S.: the autocrat of philosophers. Sidney, Batchworth Press, 1952, 341 p.
16. Carter H. B. His Majesty’s Spanish flock: Sir Joseph Banks and the merinos of George III of England. Sidney, Angus & Robertson, 1964, 520 p.
17. Chambers N. Letters of Sir Joseph Banks: a selection, 1768–1820. London, World Scientific Publ. Co, 2000, 468 p.
18. Chambers N. Joseph Banks and collections in the Age of Empire. Enlightening the British: knowledge, discovery and the museum in the eighteenth century. Ed. by R. G. W. Anderson [et al.]. London, British Museum Press, 2006, pp. 99–113.
19. Chambers N. The scientific correspondence of Sir Joseph Banks (1765–1820), in 8 vols. London, Routledge, 2007–2014a.
20. Chambers N. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830. London, Routledge, Pickering & Chatto, 2007b, 195 p.
21. Chambers N. Endeavouring Banks: exploring collections from the Endeavour voyage 1768–1771. Washington, Univ. of Washington Press, 2016, 303 p.
22. Easterby-Smith S. Botanical collecting in Eighteenth-century London. *Curtis’s Botanical Magazine*, 2017, iss. 34 (4), pp. 279–297.
23. Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library. *National Library of Australian News*, 1998, vol. 9, iss. 3, pp. 7–10.
24. Gascoigne J. Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution. London, Cambridge Univ. Press, 1998, 256 p.
25. Gascoigne J. Science and the British Empire from its Beginnings to 1850. *Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970*. Ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. London, Palgrave Macmillan, 2011, pp. 47–67.
26. Goodman J. *Painting the world: Joseph Banks and his collectors*. London, William Collins, 2020, 560 p.
27. *Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart, KB, PRS during Captain Cook’s first voyage Endeavour in 1768–1771 to Tierra del Fuego*. Ed. by Hooker J. D. Otahite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies, etc. New York, Macmillan, 1896, 466 p.
28. Joseph Banks, Science, Culture and the Remaking of the Indo-Pacific World. Available at: <https://www.rmg.co.uk/collections/research/joseph-banks-science-culture-remaking-indo-pacific-world> (accessed: 25.04.2021).
29. Heyd M. *Be Sober and Reasonable. The Critic of Enthusiasm in the Seventieth and Early Eighteenth Centuries*. Leiden; New York; Koln, 1995, 312 p.
30. Kidd I. J. Confidence, Humility, and Hubris in Victorian Scientific Naturalism. *Epistemic Virtues in the Sciences and Humanities*. Ed. by Jeroen van Dongen, Hernan Paul. Boston, Springer, 2017, pp. 11–25.
31. Merton R. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Ed. by N. W. Storer. Chicago, University of Chicago Press, 1973, pp. 267–278.
32. Miller D. Ph. *The Royal Society of London 1800–1835: a study of cultural politics of scientific organization*. Ph.D. thesis. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1981.
33. Molthof M. *The Industrial Revolution and a Newtonian Culture*. Available at: <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (accessed: 17.02.2022).
34. Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019, iss. 73, pp. 431–455, 457–475, 477–497, 499–526.
35. Sigrist R., Widmer E. D. Thaininng links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis. *REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales*, 2011, vol. 21, iss. 7, pp. 319 – 359.
36. Shapin S. *The scientific life: a moral history of a late modern vocation*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 2008, 468 p.
37. Tyler-Whittle M.S. *The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants*. London, Chilton Book Company, 1970, 328 p.

38. Wardhaugh B. S. Charles Hutton and the “Dissensions” of 1783–84: scientific networking and its failures. Notes and Records of the Royal Society. 2017, iss. 71, pp. 41–51.

Информация об авторе

Шипицына Юлия Сергеевна — ассистент кафедры зарубежного регионоведения, лаборант-исследователь лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: история науки, научный этос, Британская империя XVIII века.

Information about the author

Shipitsyna Yulia Sergeyevna — junior lecturer, Department of foreign regional studies, laboratory assistant-researcher of the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Research interests: history of science, scientific ethos, British Empire in the 18th century.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; accepted for publication 27.03.2023.